

КОЛУМБЪ РОССИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

См. - Риа. - 1991. - 28 дек. - с. 4.

К 225-летию со дня рождения Н. М. КАРАМЗИНА

"Так в исходе шестого века на берегах моря Балтийского жили мирные и счастливые Сла вяне..."

"С оружием обходиться мы не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в стране нашей : не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную. Император дивился тихому нраву сих люд ей, великому росту и крепости их..."

("История государства российскийского". Книга 1-я, стр. 15.)

За несколько часов до начала смертельной дуэли Пушкин пишет письмо детской писательнице Ишимовой и хвалит (!) ее за труд - переписанную для детей "Историю" Карамзина. 1837... конец января... последние строки короткой жизни...

А в 1826-м, после смерти царского историографа, после казни декабристов, Пушкин "в заговоре" с Дельвигом и Вяземским: "...наше молчание вокруг смерти его неприлично". И ни строки, ни слова в печати... Но, по просьбе дочерей историка, в 1830-м он посвящает трагедию "Борис Годунов" тому, чьим гением был вдохновлен при написании ее в 25-м.

Что все это: описки?... дурное настроение или следствие причин, о которых вслух говорить Поэт не смеет? Потому что в 1825-м еще жив Александр I, убийца своего отца Павла I, а в 1826-м уже правит брат Александр, который пришлет умирающему Поэту записку: "...молись Богу!"

Исследователи не один год ломали голову: шутил Пушкин или нет, когда в письме к матери сво-

его сына-тезки писал о том, что в жизни имел дело с тремя царями и "отношения" с ними оставляли желать лучшего... Павел убит был уже в 1801-м, а Поэт родился двумя годами раньше. И теперь мы знаем, что не шутил: царь у Летнего сада объявил выговор няне и мальчику Пушкину за то, что перед ним не сняли чепец. И мне эта подробность говорит о Павле больше, нежели академические фолианты.

Карамзин в своих книгах рассказал так много подробностей из жизни царей, что Ключевскому, Соловьеву и Костомарову жизнь в науке будет облегчена, и намного!

После родного Симбирска Карамзин живет в Москве; в 19 лет вступив в масоны, в 28 порывает с ними и, напечатав свою первую повесть "Евгений и Юлия" в журнале "Детское чтение" (вспомним Ишимову), уезжает на 16 месяцев в путешествие за границу. "Тверь, Санкт-Петербург и Рига проскочили туманно - в слезах по прошедшему..." Германия... Швейцария... Англия... Франция... Карамзин видит революцию 1789 года:

она "принадлежит к числу событий, определяющих судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха; я вижу это, а Руссо предвидел". - не без гордости пишет друзьям. Думается, в эту поездку он уезжал уже "законченным" сентименталистом. Даже занимаясь историей, он вспоминает свой идеал и "пококетничает" с читателем: "Что ж остается ему (историку, - Ю. С.), прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности?" Узнав о гильотине Людовику, пишет: "Бегу в густую мрачность лесов..."

Результат этой поездки выльется в книгу-гимн сентиментализму "Письма русского путешественника" и во всегдашнее неприятие любой революционной идеологии. Только самодержавие, дворянство и... воспитание душ помещиков и крепостных (он был против далеких реформ 1861-го). Из-под пера блестящего стилиста и талантливого литератора выходят сборники стихов и прозы. (Иногда в наших магазинах попадает его знаменитая "Бедная Лиза"). Став издателем журнала "Ве-

стник Европы", он откроет и опубликует будущую российскую знаменитость - В. Жуковского, а Пушкин в свои 14 лет первое стихотворение тоже напечатает у Карамзина, спрятавшись от робости за инициалами: Н. к. ш. п. Литературный дед... отец... внук?

Карамзин - отрицатель политических реформ и революционер в преобразовании языка, ярый антагонист в споре с теми архаистами, кто хочет, к примеру, обувь называть только по-славянски - "мокроступами". И он побеждает... Удивительно, но ведь наши слова "промышленность", "общественность", "человечный" - его, Николая Михайловича Карамзина, создание.

И вдруг в 1803 году Карамзин оставит стихотворный и журналистский Парнас ради создания истории России и... умрет, работая над 12-м ее томом. Первые книги, выйдя "сумасшедшим" по тем временам тиражом в 3000 экземпляров, разойдутся (по дорогой подписке) в один месяц! "Вся Россия читает Карамзина", - вспоминают современники. Порази-

тельна скорость написания, поразительны по объему обработанные им источники. Смугло-кучерявый лицеист, забегая между занятий в комнату царского историографа, однажды поднимет смятый лист черновика и скажет в стиле Карамзина, что ему такой величественный клочок бумаги очень даже и пригодится. (Еще до выхода "Истории" этот лицеист знает содержание многих ее страниц, что позволяет ему работать над знаменитой книгой "Руслан и Людмила" здесь же, в лицее.) Если теперь взяться за чтение недавно выпущенного репринтного издания "Истории" и открыть страницы о князе Олеге, вспомнишь и Пушкина, и Высоцкого. В стихах же Карамзина найдем Черномора, который проедет по сюжету "Руслана и Людмилы", по "Сказке о царе Салтане".

Андрейс Пумпурс - автор знаменитого латышского эпоса "Лачплесис", внимательно изучает страницы историка: в развитии фабулы песни 1-й о форуме - "ландаге" латышских богов, он использует строки Карамзина: "Видя, сколь Христианство противно заблуждениям язычества и как оно в средних веках более и более распространялось по Европе... Славяне отлично ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отвергая балтийские гавани для своих мореходцев, исключали одних Христи-

ан: брали их корабли и добычу, а Священников приносили в жертву идолам".

Не вина Карамзина, что его "Историю" уже при жизни одни будут ругать, другие же ей "петь аллилуйю..." Наибольший гнев вызовет его сентенция, обращенная к монарху: "История народа принадлежит Царю". Двадцатидвухлетний сын учителя по истории самого Александра I, Николай Муравьев не будет даже в своем доме давать проходу именитому историку, распространит в городе критические листки, а когда станет организатором Северного общества, отметит в своей Конституции: "История народа принадлежит народу". Даже на допросах у "Николашки-кровавого" он будет непримирим и резок в оценке карамзинской "Истории". Пушкин же, посвятив годуновскую трагедию памяти Карамзина, закончит ее театральной ремаркой: "Народ безмолвствует".

В исторической мире России у Николая Михайловича Карамзина вечный памятник пионера (его слово!) или Магеллана-первооткрывателя.

А жизнь его остановилась на фразе: "Орешек не сдавался". 1826... май...

Ю. СУВОРОВ,
филолог.